

Советские российские ровесники Войны в культурном пространстве «зрелого социализма» (1970-е — 1980-е гг.)

20 лет назад, когда начиналось собирание мозаичного материала для историко-социального портрета российских ровесников Войны, научной литературы о поколениях было мало. Но с каждым годом этот аспект социальной истории приобретает всё большую актуальность, ибо сдвиги во всех сферах общества совершаются, как правило, быстрее и естественнее, когда приходит час влияния, власти очередного поколения. Большое внимание нашим поколениям перемены уделяют иностранные учёные. Пишут, например, о выпускниках 1967 г. школ с преподаванием на иностранных языках, или — об укрупнённой когорте людей, рождённых с середины 1950-х по начало 1970-х гг.¹ Я уже не говорю об отечественной литературе о «детях Войны», то есть о тех, кто был в 1941-45 гг. в возрасте до 12-14 лет. Здесь один за другим появляются толстые тома воспоминаний. Но по-прежнему, год за годом, не пишут отдельно о Ровесниках Войны /РВ/, то есть о рождённых в 1941-45 гг.

Согласно социологическому словарю, *духовная жизнь* — ствол дерева нематериальной сферы, — *способность воспроизводить ценности культуры. Смысл, ядро культуры — в ценностях-де и выражается*. Правомерность попытки говорить о *культуре поколений, как и других больших социальных групп*, подтверждена социологией. Фундаментальной².

Не мне бы, занимавшемуся в 1970-е — 80-е гг. социальной и экономической историей, касаться **методологии исторической социологии культуры**, но несколько положений теоретиков представляются не просто красивыми фразами *«История может служить оправданием культуры»*.³ Так, и для позднего социализма сохранялось, в смягчённой форме, сочетание освобождения, обновления культуры и — новых ограничений, вплоть до административного подавления. Неизживаем оказался конфликт правды в искусстве и правдоподобия и т.д.⁴

Полезными в **методическом плане** представляются переключения в названном социологическом словаре аспектов социологии духовной жизни: личности, образования, культуры, науки, религии, СМИ, литературы и искусства /Тезаурус...с. 479/. Содержание понятия **«культура»** ещё более узко, зато практически, раскрывала установленная в 1950-е гг. структура областных и республиканских (АССР) управлений и министерств культуры: кинофикация, издательское дело и полиграфия, искусство, радиофикация, культпросветработа, в том числе на базе Домов народного творчества⁵.

Невозможно в журнальном очерке дать характеристику каждой из этих сфер и роль в них изучаемой когорты-поколения. Тем более, что «новая культурная история» предполагает фактически невыполнимое — показать, как мысли, способности людей действуют в пространстве возможностей, ограниченном объективными коллективными факторами⁶. Между тем даже для характеристики небольшой группы художников изу-

Данная статья — об участии РВ в духовной жизни в СССР 1970-1980-х гг. Жизнь эта была разноплановой, разнохарактерной, разнонаправленной, и журнальный очерк может вместить лишь некоторые характеристики, показатели, факты, догадки и даже воспоминания о роли, участии РВ в этой сфере. В ряде случаев — в зависимости от возможностей источников — речь идёт о всех рождённых в 1940-е годы и даже ещё шире — о людях средних лет, примерно 30-50-летних.

Ключевые слова: поздний социализм в СССР; официальная и обыденная, массовая культура; российские ровесники Войны (РВ); культурная политика и политическая культура; учреждения культуры в РСФСР 1970-х -1980-х гг.; творцы, посредники и потребители культуры.

Чеслав Сымонович

кандидат исторических наук, независимый исследователь

чаемого времени потребовался огромный том исследовательского и мемуарного содержания, с приложением иллюстраций...⁷ Упоминаю сию группу, так как культурное формирование РВ начиналось в годы «оттепели», не в последнюю очередь под влиянием творчества непризнанных художников, писателей, или хотя бы под воздействием слухов об их «подземном» существовании.

Вот несколько иллюстраций по поводу **культурной атмосферы на этапе «Оттепели»**. Во то «Великое 10-летие» во главе партии и государства стояли сначала прямые наследники Сталина, а после 1957 г. — выдвинутые ими на самый верх номенклатурщики 1900-х — 1910-х гг. рождения, то есть люди из поколения Отцов условных РВ. Отцы заботились о преемственности духовного, социально-политического формирования нас, молодых. Идеологические постановления начала 1960-х гг. нас не сильно затронули, однако Программа построения коммунизма впечатлила. Но во второй половине этого десятилетия, помнится, слова идеологических документов от нас уже отскакивали. Внешне с ними приходилось соглашаться, и делать вид, что они выполнимы. Больше того, даже понимая неприемлемость таких действий, как ввод войск стран-участниц Варшавского договора в ЧССР, не на демонстрации выходило подавляющее большинство РВ, а продолжало мирно работать и даже строить карьеры, в частности, помогая старшим товарищам — обществоведам — искать способы ОПТИМИЗАЦИИ советского социализма, вступавшего в стадию зрелости. А через 20-30 лет большинство из них (нас) столь же энергично помогали первым лицам руководства РФ осуществлять антисоциалистические реформы 1990-х гг.⁸

В октябре 1968 г., когда условному РВ было 25 лет, мы в который раз читали и слышали, что необходимо *привлекать молодых к изучению марксистско-ленинской теории, истории*

¹ Рейли Д. Советские бейби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране. Пер. с англ. Т. Эйдельман. М.: НЛЮ, 2015; Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. Предисл. А. Беляева. Пер. с англ. 2-е изд. М.: НЛЮ, 2016. - 664 с.; ил.

² Тезаурус социологии: тематический словарь-справочник. Под ред. Ж.Т. Тощенко. - М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2009, с. 103-104; Добренков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология. В 15 томах. Т. 11.: Культура и религия. М.: Инфра-М, 2007, с. 32.

³ См. Островский В. Йохан Хейзинга. Homo Historicus // СоТворение мира. Сборник. СПб: Мидгард, 2005, с. 296.

⁴ См. Булавка Л.А. Феномен советской культуры. - М.: КР, 2008, - 288 с. /АЕСТЕТИКА/, с. 143, 145.

⁵ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР / ХС РСФСР/. Т. 4. 1948-1953гг. М.: Госюрлитиздат, 1958, с. 566.

⁶ Репина Л.П. "Новая историческая наука" и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. - М.: Издательство ЛКИ, 2009, - 320 с., с. 251.

⁷ Арефьевский круг: А. Арефьев, Р. Васми, В. Громов, В. Шагин, Ш. Шварц; [Альбом / Сост. авт. коммент. Любовь Гуревич]. - СПб.: ПРП, 2002. - 510,[2] с. : ил. (Серия "Авангард на Неве" / Авт.-сост. Исаак Кушнер).

⁸ Интервью с Я.М. Уринсоном на радио "Эхо Москвы" в программе "Разбор полётов" 11 дек. 2017 г. Ведущие А.Ежов и С. Крючков. https://echo.msk.ru/programs/razbor_poleta/2107138-echo/

КПСС, жизни и наследия В.И. Ленина, истории комсомола...⁹ Будучи молодым членом КПСС и преподавателем техникума, и я в 1972 г. пытался организовать подготовку учащихся к Ленинскому зачёту, испытывая неловкость перед ребятами, которым это было ненужно и неинтересно. У них были свои сообщества аполитичных, у нас — свои, у наших старших братьев — «60-ников» — также¹⁰.

Заграница, в том числе активисты русской эмиграции, внимательно следили за официальной информацией о состоянии умов советской молодёжи. Они жадно потребляли и неофициальную — рассказы молодых перебежчиков в их стан. Но последние преувеличивали протестные настроения, и вывод наиболее трезвых противников советского строя относительно молодёжи был: «Большинство не разделяет коммунистических идей. Но лояльно относится к режиму...» Молодые скептики в СССР — это: верующие; образованные, научившиеся думать; и марксисты, считающие своё правительство бездарным. Подлинным провидцем выступил в 1968 г. некто А. Корин — один из авторов «Посева»: *Исторической миссией сегодняшней советской молодёжи надо считать воспитание своего потомства в духе свободомыслия и бесстрашия перед властью!*¹¹

На практике всё оказалось проще. Мы, РВ, не говорили, конечно, своим детям: растите свободомысленными и не бойтесь власти. Дети, взрослея, сами доходили до того и другого, ибо их учила вся их общественная жизнь и наше, внутрисемейное безразличие, если не презрение, к официальной политике и идеологии. Так что не только на хозяйственном фронте и рубежах «холодной» войны закладывались основы победы «свободного мира». Советский строй губила ложь и полуправда, коей пытались увлечь, вдохновлять. Но в результате узнавания людьми, прежде всего молодёжью, правды, из идейного фундамента страны вываливались целые глыбы. А внешне, повторяю, всё обстояло благополучно — люди работали, растили детей, те возрастали, не стремясь к политическому, гражданскому самоопределению, многого не зная даже о недавних годах и о бедах своей семьи. Вот как об этом писала мне почти ровесница Войны, 1947 г.р., назвавшая себя «Валькирией» (февраль 2017 г.):

«Я не любила историю как предмет изучения... потому что где-то на очень глубоком уровне ... подсознания у меня было ощущение ФАЛЬШИ. Поэтому и внимания на проявления жизни, влияющие на жизнь поколений, развитие нашего общества и прочее, я не обращала и была больше сориентирована на своё собственное развитие. А семейные обстоятельства тоже не могли... заставить меня бунтовать... искать других путей и способов существования.»

*Происхождение моей семьи из крестьян Тверской губернии. Не миновала нас и репрессивная политика...»*¹²

За каждой фразой здесь и далее незримо присутствует директивный документ. Классово заострённые учебники истории, по которым училась автор приведённых строк, были такими не от примитивизма и беспалатности их авторов, но от внутренней и внешней цензуры, перестраховки, оглядки. Деда «Валькирии» расстреляли в 1937 тоже не «самопроизвольно», а по партийно-государственной разрядке. И т.д.

Характерное для того времени увлечение научной фантастикой привело «Валькирию» в техникум на специальность «ЭВМ», затем — в вечерний вуз на радиотехнику. 1960-е годы учёбы и работы вспоминаются ей светло, безмятежно. В техникуме: танцы и концерты на вечерах отдыха, спортивные секции. В НИИ по месту распределения на работу — Университет

культуры, поездки в колхоз, и снова вечера отдыха с концертами и танцами. Не забыты выставки в главных музеях Ленинграда, концерты бардов и зарубежных артистов эстрады, богатый выбор художественной литературы и толстых журналов, и, наконец, народные праздники — Дни Песни...

Всё это, отраднo-безмятежное, происходило в культуре не само. На всё были указания, нормы, предписания, ассигнования. Причём от идейно заострённых мероприятий не требовалось быть доходными статьями бюджета.

Так, к 50-летию Великого Октября была выпущена в свет публицистическая книга Н.Н. Михайлова «Моя Россия», удостоенная Государственной премии РСФСР. Она если могла кого-то заинтересовать, то — иностранного читателя в случае перевода на другие языки, ибо ни историческая часть, ни заметки о путешествиях не содержали ничего нового и интересного для внутреннего употребления.

В апреле 1964 года, встревоженное обилием советских серых или идейно незрелых лент, а также растущей популярностью западного кино, идеологическое начальство требует от деятелей киноискусства крепко удерживать лидирующее положение в мире. И не заимствовать при этом худшие приёмы буржуазного кинематографа!¹³ Отчасти это требование было справедливым. Наряду с прекрасными, запомнившимися надолго лентами, такими как «Мёртвые души», «Простая история», «Свадьба в Малиновке», «Застава Ильича», «9 дней одного года», не говоря уже о шедеврах («Иваново детство», «Гамлет»), густым косяком шли безликие «правильные» ленты вроде «Девчат», «Девичьей весны», «Люблю тебя жизнь» и т.п.

Был также документ «О крупных недостатках в репертуаре и распространении грампластинок» (июнь 1958 г.). В постановлении ЦК КПСС говорилось, что в стране выпускается 100 млн. пластинок в год. Но значительная часть из них содержит записи слабых, а то и чуждых музыкальных сочинений. Мало грамзаписей музыки народов СССР, революционной тематики, классической музыки, лучших песен советских и зарубежных композиторов. Торговля своими заказами потакает отсталым вкусам. Выпуск пластинок следует производить по репертуарным спискам, под контролем местных партийных органов.¹⁴ В свою очередь Совмин РСФСР установил расценки авторских гонораров за публикацию музыкальных и литературных произведений. Авторы слов и музыки песен получали по 500 -1000 рублей, то есть в пределах от среднемесячного заработка в отрасли «культура» до такового в промышленности. Автор эстрадного танца мог получить 750-1500 рублей. За либретто оперы причиталось 4-8 тыс. рублей, за музыку — от 12 до 30 тысяч. Ставки за исполнение принятых и исполненных произведений были гораздо выше.¹⁵

Из наших дней не видно, одинаков ли был гонорар за песню для великого Вано Мурадели и уже заметного на песенном горизонте Аркадия Островского. Оба участвовали в праздничной программе «Голубой огонёк» на Новый 1965 год. Народных и псевдонородных номеров программы было 3 из 21, или одна седьмая. Классическое пение (Г. Отс и М. Магомаев) — 2 номера; эстрадные песни — 4; художественная гимнастика — 1... Скромный свет в студии, мягкий конферанс признанных юмористов Мирова и Новицкого, 2 интермедии А.И. Райкина, обличавшие престарелого ловеласа и бракоделов-строителей. По сравнению с нынешними шоу — бесцветность и бедность. Зато в песнях не было ни бляения, ни 20-кратных повторов-завываний... ни упоминаний всеу бога и ангелов, что позволяют себе нынешние мерзавцы-текстоделы. /В первые дни февраля

⁹ Справочник партийного работника. /СПР/ Вып. 9. М.: Госполитиздат, 1969, с. 515, 524, 538.

¹⁰ См. Беляев А. Предисловие. // См.: Юрчак А. Указ. соч., с. 7.

¹¹ Козлов Д.С. Публицистика русской эмиграции о советской молодёжи 1950-1960-х гг. // Вестник МГПУ. Сер. Исторические науки, 2013, №1 (11), с. 57-69.

¹² "Валькирия". Интервью отдельно взятой представительницы молодёжи 60-х. // Текст - в личном архиве автора статьи.

¹³ СПР. Вып. 6. М.: Госполитиздат, 1966, с. 351

¹⁴ СПР. Вып. 2. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1959, с. 501-502.

¹⁵ ХС РСФСР, т. VI. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1959, с. 149-159

сего 2018 г. «Новое радио» в СПб передало песню «Мы — Возможно» с текстом:

«Мне придется убить тебя, Ведь только так я буду знать точно, Что между нами ничего и никогда Уже не будет возможно. ... Альбом «Расстояние. Part 3». Автор текста: Даниэль Шейк и Ева Краузе. g15.ru/m/mi/mi-vozmozhno.html

Дальше, как говорится, ехать некуда, учитывая наличие в Сетях ресурсов, агитирующих подростков за самоубийства. В пору не общественные советы создавать, а отделы СКР и Прокуратуры по борьбе с придурками-песенниками и музредакторами коммерческих радио.

Пусть уж они лучше, ни во что не веря, поют: «...настежь окна// распахну и помолюсь...» чем призывать покончить с собой.

Увидев слово «помолюсь», с содроганием вспоминаю о писанном с натуры на излёте «оттепели» рассказе Солженицына «Крестный ход на Пасху» (1966). Слава Богу, исправляя ошибки «великого 10-летия», обновлённое советское руководство ослабило наиболее грубые притеснения религии и церковей с середины 1960-х гг.¹⁶

Характерно, что моя милая бесхитростная воспоминательница — «Валькирия» — о церкви 1960-х гг. ничего не пишет.

Воспоминания её омрачает лишь одно горькое, безнадёжное (и нередкое в мемуарах!) итоговое утверждение: после окончания школы-7-летки, убоявшись «развращения» 14-летней девы в мед. училище, семья не разрешила «Валькирии» начать обучение по желанной профессии и толкнула её в «технари». «И мне не дали прожить МОЮ жизнь, в которой моё место было в самых тяжёлых областях медицины — хирургии или психиатрии...» Тут-то хоть партийные и государственные документы о культуре ни при чём? Виновата только семья?

А если копнуть глубже? Кто определял моральные запреты и всеоюзное ханжество, на коих и были воспитаны старшие члены семьи, запретившие девушке учиться в излишне просвещающем о половом вопросе медицинском училище? Действовало отнюдь не только традиционное мещанское представление о том, что можно и нельзя знать девушке в 14 лет. Но и вся общественная атмосфера, формируемая, в значительной мере, сверху, после того, как ВКП(б) осознала в годы становления культа личности, что половая свобода тоже опасна, ибо она — свобода!¹⁷

Молодые, вслед за старшими, довольно быстро привыкали к правилам политико-идеологических игр с ними со стороны власти. Так же, волей-неволей, через несколько лет после начала работы они осваивали писанные и неписанные правила трудового распорядка и беспорядка, реальные экономические отношения. Но диктат власти по поводу мод и вкусов, по поводу репертуара танцев на вечерах, стиля живописи и содержания передач на РТВ — раздражал значительную часть городской молодёжи, и она поглядывала на Запад без благородного негодования по поводу буржуазных несвобод, угнетения трудящихся, а — с долей зависти, тем более, что справедливые предубеждения наших публицистов-международников относительно трудностей для подлинных мастеров культуры в «свободном» мире воспринимались как агитка. Современный социально-культурный антрополог точно называет один из важных факторов раздвоенности культурно-политического сознания молодых в результате приоткрытия железного занавеса — явление «воображаемого Запада»¹⁸.

Отчасти под его воздействием, несмотря на колоссальные организационные усилия и затраченные средства, молодёжь 1960-х, войдя в зрелость, не смогла, и в массе своей даже не по-

пыталась, найти резервы роста и подлинного совершенствования советского социализма. Это значит, что и его пороки были органичны, и её, молодёжи, культурно-политическое формирование было обречено не на преобразования, а на долгое прозябание под неярким солнцем зрелого Застоя.

Коснувшись «оттепельной» предыстории, обращаюсь к исходным **количественным показателям социально-профессиональных слоёв работников культуры**. К 1970-му году в РСФСР количество занятых «преимущественно умственным трудом» увеличилось за 11 лет больше чем в полтора раза, до 19 млн. человек; в их числе было 59 % женщин. Несколько странно сгруппировали статистики работников научной сферы, педагогов и воспитателей, вплоть до детсадовских (2,7 млн. чел., рост на 68 %). Отдельной строкой дали численность работников литературы и печати (около 90 тыс., рост на 36 %). Культурно-просветительные работники составляли 464 тысячи, увеличившись на 1/4. В том числе их подотраслевые отряды (по убыванию): занятые в театрах, кинотеатрах, парках культуры, музеях, выставках, в клубах — 123 тыс. (+18%); работники библиотек — 181 тыс. (+34%); работники искусства — 162 тыс. (+46%); юристы — 63 тыс. (+34%); «прочие культпросветработники» — 51 тыс. (+64 %). Но не столько численность в данном случае интересна, сколько возрастная структура. Пятилетнюю когорту РВ не выделяли, а все рождённые в 1940-е годы составляли среди занятых умственным трудом почти 1/4, а в перечисленных группах — 23-27 % среди литераторов и научных, педагогических работников до 32 — 33% среди культпросветчиков и работников искусства; особняком стоял показатель в 14% среди юристов. Для масштаба отмечу, что наибольшей была когорта рождённых в 1930-е годы; несколько большей, чем рождённые в 1940-е годы, была когорта рождённых в 10-летие НЭПа¹⁹.

Теперь — об **организационной и материальной базе** сферы культуры в изучаемый период.

Либерализация оттепельная оживила деятельность общественных организаций в рассматриваемой области. Не говорю о десятках тысяч членов творческих союзов, но — лишь о самых массовых организациях в СССР. Это было Общество изобретателей и рационализаторов (около 14 млн. чел. к концу 1980-х гг.), Союз 29-ти научных и инженерных обществ (около 12 млн. чел.), Общество «Знание» ((2,1 млн. чел.), научные медицинские общества (около 700 тыс. чел.)²⁰. Конечно, «демократический централизм» и следование в фарватере КПСС определяло всю деятельность этих звеньев политсистемы. Но без десятилетий привычки к формальным приёмам ограниченной демократии не было бы столь быстрого организационного всплеска в разгар Перестройки!

Приводя количественные показатели подотраслей культуры, иду по пунктам политиздатовского очерка об СССР в 1970-е гг. А не по плану исторических работ 1990-х гг., ибо если следовать им, то в СССР в годы «застоя» не было иной подлинной культуры кроме диссидентской. Так получалось у Н. Верта в его учебнике²¹. Одно из его утверждений относилось как раз к поколению-когорте рождённых в годы Войны. Немногочисленное, оно-де имело преимущества, например, в виде меньшего конкурса при поступлении в ВУЗы после школы.

Но для этого надо было ещё закончить среднюю школу. А ведь далеко не все ребята и их семьи, особенно сельские, могли себе это позволить по причинам и материального порядка, и из-за относительно невысокого уровня преподавания вне больших городов. Обществоведы 1970-х — 80-х гг. исписали го-

¹⁶ Шкаровский М.В. Русская православная церковь в XX в. М.: Вече, Лепта, 2010, с. 381.

¹⁷ См. Кон И. Ах, какой был мужчина (Серия газетных статей) // Петербургский Час Пик (СПб), март - апрель 2000.

¹⁸ См. Беляев А. Указ. соч., с. 7.

¹⁹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. VI. Распределение населения СССР и союзных республик по занятиям. М.: Статистика, 1973, с. 24 - 32; 459 - 468.

²⁰ Ежегодник Большой Советской энциклопедии /БСЭ/. 1989. Вып. 33. М.: Советская энциклопедия, 1989, с. 23 - 36.

²¹ Верт Н. История Советского государства. 1900-1991: Пер. с фр. М.: Прогресс, 1992.

ры бумаги, доказывая растущую социальную однородность в советском обществе. Но и расселенческая, и хозяйственная структура, и даже отмирающая классовая — обуславливали крупные, качественные социально-культурные различия (между работниками промышленного гиганта, например — и ремонтной мастерской в райцентре).

Школьное среднее образование становилось, по решению партии и правительства, всеобщим. Его распространению, если не сказать навязыванию, способствовало расширение сети средних профтехучилищ, упорядочение программ техникумов и училищ²².

РВ сами уже ни в вузах, ни тем более в школах не учились, за исключением отставших, практиков, кому требовался диплом для служебного роста или хотя бы для закрепления на своей должности (так, после военного училища рост выше, чем до майорского звания, был закрыт). Но немало забот и волнений доставляли родителям из когорты РВ их дети — школьники. Последние, рождённые примерно со второй половины 1960-х гг., проходили школьный этап жизни в 1970-е — начале 1980-х гг., а более поздние наши дети, соответственно, в 1980-е — начале 1990-х. И хотя бы один из взрослых в семье в идеале следил за приготовлением домашних заданий. К старшим классам в некоторых семьях задумывались, не перевести ли чадо в более престижную школу, например, с углублённым погружением в иностранный язык. В бюджете многих семей появлялась статья расхода на репетитора (ов).

Среди детей малообеспеченной гуманитарной интеллигенции уже чувствовалось пренебрежение высокой культурой. Подростки-сыновья одного из моих университетских однокашников (санскритолога) корили родителей: «У вас даже стенки /мебельной/ нет. Мы пойдём не в университет, а в ПТУ, быстрее начнём зарабатывать!». Но семей, где родители-РВ не имели высшего образования и воспринимали работу как тяжкий хомут, было ещё много. Выучить детей традиционно было их жизненной задачей. Причём для значительной части сельских РВ это означало «вытолкнуть» взрослого ребёнка в Город, сначала — в вуз, потом — на работу по полученной специальности. Одних детей приходилось насильно толкать в вузы, то есть в перспективе — в «начальство», на «умственную» работу. Другие родители-РВ давали взрослым детям после школы свободу выбора, и здесь ещё действовала инерция, пример сверстников, стремящихся к высшему образованию.

Для самих РВ, 10-15 лет проработавших на заводах, стройках, в колхозах и НИИ, уже было ясно, что практически главное на рабочем месте не диплом, а опыт, умения, желание работать. Так, на ГАЗе среди работников, близких по возрасту к нашим детям, было 6 % высококвалифицированных рабочих, в группе рождённых в 1940-е гг. — 18%, а в группе кадровых, близких по возрасту к родителям РВ, — 48%²³. Но формальные требования к уровню образования и барьеры становились всё выше, хотя публицисты и хозяйственники постоянно говорили о неготовности большинства молодых специалистов к самостоятельной работе сразу после вуза. Не было ли это в определённой степени следствием отказа от хрущёвских «перегибов» по части соединения учёбы в вузах с работой на производстве?

Но линия на перемешивание классов и слоёв, направленная против «кастовости» интеллигенции, против стартовых пре-

имущества горожан, сохранялась. Заметным её проявлением стало создание с 1969 г. подготовительных отделений при вузах для людей с производства, для демобилизованных после срочной воинской службы.

Высшее образование. В рассматриваемое 15-20-летие открылось несколько десятков вузов. РВ выступали здесь в ролях преподавателей и доцентов. Особенно тянулись к повышению статусов своих вузов столицы национальных автономий РСФСР (Удмуртской, Марийской, Чечено-Ингушской, Коми АССР). Здесь формировали университеты на базе педвузов и филиалов технических вузов²⁴. Всё шире практиковалась целевая аспирантура для обеспечения новых университетов преподавателями с учёной степенью.

Несмотря на существенный рост доходов семей, вопрос о материальной доступности очного, дневного высшего и среднего специального образования оставался актуальным для небольшой части детей РВ. Ибо категория лиц с доходами ниже среднего существовала. Стипендии же были в несколько раз ниже прожиточного минимума. Учась непрерывно, взрослый «ребёнок» до 22 лет, а если после армии, то и до 24-26 лет «сидел на шее» родителей. И они шли на это, ибо традиция помощи взрослым детям сформировалась к тому времени прочно, и РВ, особенно в деревне, её восприняли²⁵. Но так не было и не могло быть в целом с традициями в общекультурном плане, особенно с так или иначе связанными с идеологией, политикой.

Старое и новое в культурном быту, в обычаях и ритуалах.

Не уделяя главное внимание **религии** как форме общественного сознания. Её грубо преследовали во времена «оттепели», и она понесла большие организационные и моральные потери. Но в 1970-е — 80-е годы, судя по опросам на местах, уровень религиозности населения переставал понижаться, составляя от 25-27% до 18-24% в христианских районах, а в регионах традиционного распространения ислама — на уровне 40 — 50 %. К РВ имеет отношение вывод религиоведа-социолога о появлении верующих относительно молодых, с высоким образованием, социально активных, глубоко убеждённых²⁶. Благодаря им религия не была окончательно изгнана из социально-культурной атмосферы социализма времён Застоя. Не в последнюю очередь, — из-за оглядки наших властей на Западные демократии.

Многое в условиях позднего социализма снижало роль семьи как передатчика культуры, традиций поведения²⁷. Сказывалась и занятость родителей, и складывание «телевизионной культуры», воспринимаемой пассивно, и *наступление молодёжной «музыки» на культуру СЛОВА, то есть на основу прежней культуры* (М.Н. Золотоносов). Отсутствие мужчин во многих семьях, в которых росли и выросли РВ, женское учительство над ними в школах формировало привычку к главенству женщин в общественной и семейной жизни. Неустанно заботясь о преемственности поколений, власть в то же время пытается насаждать новые традиции на месте выкорчеванных обрядов, устоев, норм. Авторы работ о российской повседневности приводят сопоставление культурно-бытовых различий даже между членами супружеской пары 1960-70-х гг., где мужья «по-

²² См. СПР. Вып. 13. М., 1973, с. 189-195 и др.
²³ Коган Л.Н. Единство социалистической культуры и культурные различия социальных групп // Изменения социальной структуры социалистического общества. М., 1976, с. 117; Слесарев Г.А., Чепульский Н.П. Влияние возраста на взаимосвязь общеобразовательной и профессиональной подготовки промышленных рабочих // Социально-демографические группы и их развитие. М., 1981, с. 29.

²⁴ См. СПР. Вып. 12, 13. М., 1972, 1973.
²⁵ Колошенина И.В. Сущность социально-нравственных взаимоотношений в сельской семье // Социально-демографические группы и их развитие, с. 54.

²⁶ Гараджа В.И. Социология религии: Учеб. пособие для студентов и аспирантов гуманитар. специальностей. - М.: Аспект Пресс, 1996, -- 239 с. С. 224.

²⁷ Шубкин В.Н., Чердиченко Г.А. Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства). М.: Мысль, 1985; Российская повседневность: вторая половина XIX в. - начало XXI в. Учебное пособие. Под ред. Л.И. Семенниковой - М.: Изд-во КДУ, 2009, с. 180.

вышают свой культурно-политический уровень» после работы на пресловутом диване с газетой, а жёны заступают на вторую, домашнюю трудовую смену. Но к началу 1980-х гг. положение-де стало изменяться²⁸. Возможно, некоторую роль здесь играли «учебники жизни по-новому» — весьма популярные у женщин 1960-х — 70-х гг. Первый из названных в сноске начинался с прославления новых советских обрядов, праздников и заканчивался указаниями на 7 полезных свойств столового уксуса в борьбе с пятнами и мухами²⁹.

Обручальные кольца появились в городском быту с открытием в 1960-е гг. Дворцов бракосочетания. Помнится, проблск золотого кольца на руке моего коллеги-строителя, вымазанной в цементном растворе или просто в грязи, выглядел диковато, «неорганично». Торжественной стала регистрация рождений и наречений детей.

В Ленинграде родители называли нас, РВ, большей частью, обыкновёнными русскими именами. Из мужчин 1938-53 гг. рождения 44 % получили имена /по убыванию частоты/: Владимир, Виктор, Юрий, Николай, Анатолий, Александр. 41,5% женщин понесли в дальнейшую жизнь имена: Галина, Валентина, Людмила, Нина, Тамара. РВ в свою очередь нарекли 54% самых ранних / в середине 1960-х гг., в Ленинграде же / сыновей именами: Александр, Алексей, Андрей, Дмитрий, Игорь, Сергей. 2/3 новорожденных девочек получили имена: Елена, Ирина, Марина, Наталья, Ольга, Светлана³⁰. Как видим, совпадения не было в наборах имён, но — было в том, что от 40 до 65 % наречений сделаны были на отечественной традиционной основе.

С 1970-х гг. прощальное слово в Ленинградском крематории стали произносить профессионалы — организаторы. Этик тогда писал, что потребность в новых обрядах появилась в середине 1950-х. /Не с «оттепелью ли? Или с причудливо связанным с ней усилением борьбы с религией— Ч.С./ И что к середине 1970-х дошло до обрядов «социализации», — например, посвящения в сан /!/ рабочего — в Ленинграде, с клятвами при факелах в присутствии ветеранов труда. Философ обобщал: теперь воспитателю не надо заниматься формированием общечеловеческих норм и правил, ибо они уже вошли в традиции. Он (воспитатель) пусть решает более сложные педагогические задачи³¹.

/Воистину, всех благоглупостей тех лет не назовёшь! Лишь Перестройка подняла общечеловеческие ценности на их природное место. Но, как известно, — не надолго. В 1990-е годы стало не до них. /

Наряду с неумелыми, казёнными попытками идеологизировать отношения между людьми, малыми группами, действовали и объективные процессы, изменения в общественном быту. Огромное социальное благо нашей цивилизации — отдельные квартиры. Но болезненно отразилось на наших детях расселение семей из центральных районов городов в новые кварталы. Дружественные связи между людьми приблизительно нашего поколения унаследовало только 3% детей РВ. 40% детей не приглашали никого к себе или делали это редко, чувствуя прохладное отношение родителей к приятелям³². Да ведь и для нас большие расстояния сильно уменьшили возможность видеться, говорить по душам с приятелями, с бывшими «ребятами с нашего двора».

При будничной трудовой занятости РВ возростала роль совместного отдыха их семей в праздники и выходные. Тем более, что, например, в Москве от половины до трёх четвертей респондентов-родителей не имела родных, близких, с кем можно было бы оставить детей. На отдалённость объектов культурного досуга указывало от 1/5 до 2/3 родителей из нуклеарных семей. Около половины пожилых людей отмечали, что времени на помощь семье тратят много, но удовлетворение общением в семье испытывают только 4%. Остальным милее было общение с ровесниками «на лавочке» у дома или коллективное, вместе со сверстниками, участие в мероприятиях в учреждениях культуры. Потребность в летнем семейном отдыхе удовлетворялась на 40%³³.

К началу 1990-х гг. наши дети подросли, и вот какими они хотели бы нас видеть: по 40 % собрали такие качества как доброта, внимание к детям, терпимость, материальная обеспеченность /это 1990-й г., когда эпидемия развала производства и невыплат зарплат ещё не охватила всю страну/. 22% назвали решительность, ... 17% — образованность, и на последнем месте в перечне плелось трудолюбие. Приговором поколениям и РВ, и их Детей, прозвучало желание последних походить больше на героев книги, киноартистов, чем на родителей³⁴.

Есть на свете вещи поважнее детей, — сказал мне, 30-летнему мой 56-летний отец в середине 1970-х гг. Теперь, давно перейдя тот его возрастной рубеж, понимаю, что он имел в виду. Наступает время, когда дети становятся взрослыми, а жизнь родителей может повернуться совсем непредсказуемо, без оглядки на этих детей, ибо она даётся человеку... (далее — по известному тексту).

Количественные и содержательные характеристики работы учреждений и сфер культуры.

Известно, что учреждения культуры были, в основном, государственными, профсоюзными и колхозными. Их работники, выполняя возложенные на них партией и государством задачи, поддерживали, несли в массу коммунистические ценности и идеалы. Не случайно упоминание в Программе КПСС, принятой в 1961 г., о завершившемся, третьем этапе КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Постановления об улучшении агитационно-пропагандистской работы и историко-теоретические тезисы ЦК КПСС принимались часто, особенно со второй половины 1970-х гг.³⁵ В то же время, практика повседневного бытия подправляла пропагандируемые ценности, и даже придавала им обратный смысл и содержание³⁶.

В наименьшей степени это относилось к библиотекам, где об идеологической составляющей говорили, пожалуй, только ограничения при формировании фондов. Однако и они были в поле зрения центрального партийного органа³⁷. За 1970-80-е гг. в РСФСР количество **массовых библиотек** оставалось на уровне чуть больше 60 тыс. Фонды их выросли, но число книг и журналов, выданных на одного читателя после 1980 г. не росло. И это могло беспокоить руководителей данной системы, обязанных активно продвигать в массы, в частности, общественно-политическую литературу и периодику. Немало библиотек были частью клубов, домов и Дворцов культуры.

²⁸ См. Российская повседневность: вторая половина XIX в. начало XXI века: учебное пособие. Под ред. Л. И. Семенниковой. - М.: КДУ, 2009, с. 181, 186.

²⁹ За здоровый быт. (Сб. лекций) Изд. 4-е, испр. и доп. Л.: Об-во "Знание" РСФСР, ЛО, 1965 - 400 с. Тираж 500 тыс. экз. Стр. 7, 399; Образцова Л.Ю. Твой дом, твоя семья. - 2-е изд., перераб. и доп. - Л.: Лениздат, 1986. - 175 с. Тираж 300 тыс. экз. Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. Л., 1991, с. 83, 88.

³⁰ Суханов И.В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. М., 1976, с. 199, 210, 214. Павлов Б.С. Матери, отцы, дети: Социологический очерк. М.: Сов. Россия, 1984, с. 143.

³¹ Родзинская И.Ю. Потребности разных социально-демографических групп в организации досуга по месту жительства // Семья и социальная структура..., с. 112-114; Взаимоотношения поколений в семье. М., 1977, с. 142, 147.

³² Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х гг./ М.: 1993, с. 251, 253. СТР: вып. 16, М.: Политиздат, 1976, с. 344; вып.18, М., 1978, с. 242; вып. 20, М.: 1980, с. 319-330

³³ Современные трансформации российской культуры. Отв. ред. Н.И. Кондаков. Научный совет РАН "История мировой культуры". М.: Наука, 2005, с. 307.

³⁴ См. О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе. Постановление ЦК КПСС 8 мая 1974 г. // СТР. Вып. 15, М., 1975, с. 350+...

Число **клубных учреждений** (74 тыс.) оставалось тем же к 1989 г., что было ещё до Войны. В сельской местности это число сокращалось, в городах и посёлках городского типа — увеличивалось. Часть клубов перешла от профсоюзов в ведение Министерства культуры. В 1970-е гг. ещё наблюдался рост числа коллективов художественной самодеятельности, в 1980-е — нет. И это, в сопоставлении с прекращением роста книговыдачи, позволяет задуматься о близких причинах обоих явлений. Имело место повышение материальных потребностей масс за счёт культурных?

Но отсутствие замедления роста количественных показателей работы музеев останавливает преждевременные обобщения. Количество музеев увеличилось более чем вдвое (кроме естественнонаучных). Число посетителей — почти в два раза, с 65 млн. до 110 млн., за 1970 — 89 годы³⁸. Возможно, сказалось развитие внутреннего туризма, включение экскурсий в учебные планы ряда школьных предметов.

Политика указывала культуре не только содержание, но и формы развития. Оттепельное освобождение от самых одиозных видов давления на творцов и потребителей культуры имело продолжение. XXII партсъезд провозгласил начало «развёрнутого строительства коммунизма». Теоретики бросились искать признаки отмирания государства, расцвета общественных начал, в том числе особенно в области культуры. Если в чистой политике это вызвало добровольные народные дружины, товарищеские суды, общественное замещение администраторов, партийных чиновников, то в культурной сфере — народные Университеты культуры, народные театры и другие самодеятельные творческие коллективы, факультеты общественных профессий в учебных заведениях. Расширялась подготовка руководителей этих форм народного творчества. В 1972/73 учебном году по специальности «культпросветработа» обучалось в высших и средних учебных заведениях 73 тыс. человек³⁹. Не случайно библиотечные институты преобразовываются в институты культуры, где готовили, например, режиссёров народных театров, руководителей самодеятельных хоров.

Театрального бума не было, но театральное искусство, поддерживаемое из бюджета, сохранялось и имело свою публику. Социологи фиксировали, что к театру было приобщено во второй половине 1970-х гг. 10-12 % «зрителеспособного» населения. РВ уже вышли из возраста наиболее часто посещающей театры группы 21-25-летних людей. Удельный вес РВ, которым в среднем было в 1976 г. от 31 года до 35 лет, среди зрителей пяти обследованных российских театров колебался от 7% в Ленинградском театре им. Комиссаржевской до 18% в Воркутинском гос. драм. театре. В Ленинграде диапазон возрастной был не столь широк по театрам им. Комиссаржевской, им. Ленсовета и БДТ им. Горького, соответственно: 6,6; 7,2; и 10,4%. Предполагаю, что в год число премьер по театрам России было от 200 до 300 (оценка). Более надёжно число средней заполняемости зрительных залов в театрах РСФСР — 75%⁴⁰. Количество профессиональных театров оставалось почти неизменным. «Театрального бума» не было определённо, — ни по количеству профессиональных театров, почти неизменному, ни по числу посетителей. Последнее держалось на уровне больше 70 млн. с пиками в 1983 и 1986 гг., но с 1988 г. резко пошло вниз. Жизнь тогда преподносила более увлекательные «спектакли». Чего стоили предвыборные баталии, потом — трансляции съездов. Гласность, смягчение цензуры убила для многих из нас вождеденную возможность выискивать в тексте спектак-

ля подтекст, потрясавший основы советской системы, обличавший её как ещё одно издание общества лжи, монопольного произвола со стороны элиты. В том числе — элиты местной, ведомственной, вплоть до уровня предприятия. Под аплодисменты шла сцена «Заседания парткома», на коем честный коммунист призывает ставить на первый план интересы общества, народа, партии, а не своего производственного коллектива:

— *Нет коммунистической партии нашего треста, а есть Коммунистическая партия Советского Союза!*

Такие громкие и верные, но невыполнимые призывы горячо воспринимались публикой. Журналисты со слезой умиления писали, что за самоотверженное, совестливое решение, принимаемое на сцене, часть зрителей поднимала руки в зале! «ВЕРЮ», — сказал бы на это Станиславский?

Но не это обеспечивало успех главным театрам страны. В «Горе от ума», «Ревизоре», в пьесах А.Н. Островского, Евгения Шварца мы видели современных героев, а чаще — антигероев и сталинизма, и нашего застывшего на рубеже 1970/80-х гг. времени. Мы горько смеялись над жалким комедиантом от политики — бандитом Артуро Уи в пьесе Брехта, не забывая о своей ненависти к тоталитаризму вообще, к советскому — в частности. Да ведь и в каком блистательном исполнении шли постановки. В расцвете сил были великие советские русские актёры масштаба Евг. Лебедева, М. Ульянова, И. Смоктуновского...

Слёзы не навораживались, но думалось злорадно: вот ваш портрет, номенклатурщики и их прислужники, превращавшие свои территории и предприятия (учреждения, факультеты, отделы «НИИ») в вотчины обмана и разложения.

Аркадий Райкин сказал тогда страшное слово о бесперспективности Системы. В монологе бездельника, на кровати во всю сцену он весело вопил:

Радоваться, благодарить меня должны за то, что я не на работе... Ведь я такого там могу натворить... Ни один диверсант не сможет принести столько вреда, сколько я — неумеха и разгильдяй...

Повторяю: с провозглашением Гласности всё это обесценилось, критический настрой стал ненужным. Мы вдруг вспомнили, что над собой смеялись в театрах не только мы, винтики, но и бонзы — прототипы и адресаты критики. И ведь никого это не излечило от благоглупостей и язв Системы.

Нечто подобное происходило и в **литературе**. Основная, одобряемая властями, а пуще того — литературными генералами, часть литературы и художественной публицистики удовлетворялась своим пребыванием в тёплых болотах официоза. Прозаик, обосновывая необходимость строительства птицефабрики, на вытягивание которого брошен средний работник обкома, квалифицированно рассуждает о росте городского населения и невозможности удовлетворить его потребности усилиями личных подсобных хозяйств и мелких колхозных птицеферм⁴¹. Поэты в тысячный раз клялись в верности партии и народу, славили Революцию и её Вождя, раздували затухавший в молодых огонёк романтики дальних дорог и строек. Но была и растеряннo-мелкотравчатая литературка малых служебных и личных коллизий, незаметных под ряской повседневности⁴².

Официальная оценка положения на литературном фронте была дана в постановлении ЦК КПСС, принятом в начале 1972 г., когда среднему РВ было 29 лет, и его сверстники ходили ещё в молодых писателях. Постановление осуждало отсутствие глупины в ряде произведений, неверные оценки прошлого, при-

³⁸ НХ РСФСР в 1985 г., с. 334, 340; РСФСР в цифрах в 1989 г., с. 114-115.
³⁹ Культурно-просветительная работа в СССР // Большая Советская энциклопедия, 3-е изд., т. 13. М.: Советская энциклопедия, 1973, с. 600.

⁴⁰ Театр и публика: Опыт социологического исследования 1960-1970-х гг. // Отв. ред. В.Н. Дмитриевский. - М.: Гос. ин-т искусствознания, "Канон+" РООИ "Реабилитация", 2013. - 400 с., с. 248, 298-299, 381; Эволюция культурной деятельности в новом столетии... В 3 т. Т. 1. Очерки культурной жизни России на рубеже веков. Отв. ред. Б.Ю. Сорочкин. СПб: Алетейя, 2005, с. 32.

⁴¹ Ананьев А.А. Годы без войны. М.: Современник, 1989, т. 1, с. 616.

⁴² См. например, Афанасьев А.В. В городе, в 70-х годах. Повести и рассказы. М.: Современник, 1976.

миренчество к литературному браку, к декадентству, к ревизионистским концепциям, проникающим в литературу, к буржуазной реакционной массовой культуре. Предстояло улучшить подготовку литературоведов, укреплять кадры редакций, учредить журнал «Литературная учёба»⁴³. В последний раз РВ попали в зону внимания партии к молодым талантам, когда им было уже за 30, в 1976 году. Каждое слово в соответствующем постановлении ЦК дышало заботой о том, чтобы поддержать идущих верным путём, поправить оступившихся. В частности предписывалось укрепить кадры преподавателей творческих вузов, чтобы росло и профессиональное мастерство молодых, и совершенствовались их марксистско-ленинское мировоззрение. Создавались Советы творческих союзов по работе с молодёжью. Последней были щедро обещаны мастерские, командировки, публикации, возможность ставить фильмы⁴⁴. И многое из предписанного выполнялось!

В Перестройку и после неё, напротив, принято было исследовать и вспоминать о литераторах из поколения РВ, отличавшихся стилем, направлением и масштабом В. Кривулина, И. Бродского и т.д. А между незатейливыми и тяготящимися повествованиями о лично-семейных застоях и авангардными творениями молодых полулегальных, ласкаемых Западом, негромко журчал поток свежей, занятой, нравоучительной, слегка фантастичной прозы, типичным представителем коей был достойный РВ Александр Житинский. Предшественником его был замечательный русский поэт и прозаик В.С. Шефнер. Почти сразу, в начале 1980-х гг., об авторах типа и поколения А. Житинского было сказано: *«Молодые люди этой среды и поколения ... образованные, горожане. Они владеют своей манерой общения, независимой, чуть ироничной. Они многое знают, о многом догадываются, но понимают и то, что многое они всё же не знают, не умеют и не могут (а хотелось бы). ... Оно /поколение — Ч.С./, правда, лишено непосредственного сурового опыта отцов ..., но ему ведомы свои, тоже весьма нелёгкие проблемы.»*⁴⁵

Оглядываясь на свои литературные впечатления тех лет, видим, конечно, прежде всего, вершины. Но больших писателей земли российской, и в целом — советской, были десятки, из многих тысяч членов Союза советских писателей. Большинство из настоящих относилось к поколению наших Отцов, рождённых в 1900-е — 1910-е годы. Именно в застой они стали нам ближе, чем «60-ники», особенно младшие. Ибо на стороне первых было мастерство чистой воды и взгляд на страну с её проблемами, пристальный, из поднебесья, но проникавший в судьбы и заботы отдельных людей самого разного калибра. Нельзя считать случайностью пребывание на подлинных вершинах содержания и стиля фронтовиков Арсения Тарковского, Константина Симонова, более молодых Чингиза Айтматова, Расула Гамзатова и десятков других, на века охарактеризовавших своё время и место творчества.

На всю страну, уже который год, кричали о бедах села публицисты и писатели-деревенщики. Но Деревня продолжала исчезать. На одного передовика-механизатора приходилась сотня горе-трактористов, работавших за часы в табеле днём, и за бутылку водки на халтуре. Плакальщикам об ушедшем Ладе русской деревни многое было позволено, но не всё. Когда они поднимались до излишних обобщений, власть подбивала представителей «народа», одёрнуть своих выразителей, как было с письмом земляков Фёдору Абрамову, опубликованном в областной и центральной печати в 1979 г.

Бывали и странности. Десятилетиями власти терпели Стругацких, издававшихся над нашей действительностью под видом

фантастики. В 1980 г. как-то проскользнул в печать «Альтист Данилов» — повесть о нестрашном демоне в советском быту⁴⁶. Система давала сбои? Хотели показать миру, что и у нас фантастический реализм возможен? Или приоткрывали клапан для выпуска пара из кипевших интеллигентских мозгов? Последнее относилось, например, к цензурным послаблениям для «Литературной Газеты».

Делились читатели, зрители, слушатели на категории:

Не затронутых почти воздействием литературы и искусств (из них росла и выросла современная массовая аудитория худшего, что извергают ТВ и коммерческие радиостанции);

с доверием воспринимавших создания писателей, художников в стиле соц. реализма, даже если действительность отличалась от изображаемого;

не удовлетворённых сим отображением и выискивающих в подтекстах, аналогиях горькую правду о наших язвах и сладкие сказочки о «загнивающем» Западе;

«продвинутую» элитарную аудиторию, признающую только «левое» неофициальное искусство.

Комбинаций, переходных типов между этими грубо очерченными категориями были десятки, наверно.

Но вот что надо подчеркнуть: временами грани стирались, и «вся страна» если не читала одну книгу, то смотрела один и тот же фильм. Язвительный культуролог назвал киножизнь штандартенфюрера СС /полковника по-нашему/ Штирлица «воплощённой мечтой советского человека» тех лет. Ибо здесь проявилась тоска советских людей, после неудавшейся перестройки Хрущёва, по умному, самоотверженному подлинному ГЕРОЮ, стоявшему между двух миров явно, тогда как многие советские люди стояли между ними тайно, в душе. И ещё это была тоска по ПОРЯДКУ, по свободе тайной, по жизни на острие ножа, по жизни сегодняшней не ради будущей, а ради победы близкой⁴⁷. Добавлю — не была ли это ещё тоска по красивому герою, в свежей рубашке, живущему в просторной квартире, в полном материальном благополучии? И всё это можно было видеть дома, по телевизору!

Вершина российского советского кинопроката по числу киноустановок с платным показом пришлось на 1970 г. — около 97 тыс., в том числе 83 тыс. на селе. К концу 1980-х их число уменьшилось, соответственно, до 77 тыс. и почти 62 тыс.⁴⁸ За 20 лет число посещений киносеансов сократилось с 2,8 млрд. до 1,6 млрд., а на 1 жителя — с 21 до 11 в городах и с 22 до 16 в сельской местности. Вероятно, РВ, как и представители других средних возрастных когорт, ходили в кино реже, чем среднестатистический житель города и села. Количество выпускаемых художественных фильмов достигало в СССР трёхсот. Профессиональная оценка их качества — дело киноведов. Возможно, доля высокохудожественных лет оставалась постоянной. Во всяком случае, полагаю, она не могла быть выше, чем в годы «оттепели» и ближайшие к ним.

Телевидение теснило кино. Каждый год расширялась ТВ аудитория. Усиливалось «одомашнивание» культуры. Распространение телевизионного вещания привело к уменьшению свободного времени людей, отдаваемого чтению, не связанному с работой. У телеэкрана проводили по 15 часов в неделю, а за книгой уже только 5, и то — не все. В частности, среди людей, рождённых и выросших в Москве, доля имевших крупные библиотеки была в конце 1980-х гг. в 8 раз больше, чем доля не имевших дома книг. А среди детей пришельцев в Москву из деревень доля не имевших книг была в 3,5 раза больше, чем доля

⁴³ СПР. Вып. 12. М.: 1972, с.191 - 194.

⁴⁴ СПР. Вып. 17. М., 1977, с. 327.

⁴⁵ Акимов В. О прозе Александра Житинского. // Житинский А.Н. От первого лица: Повести. - Л.: Лениздат, 1982. - 400 с., ил. С. 3.

⁴⁶ Роман Владимира Орлова. Первая часть цикла "Останкинские истории". // "Новый мир", 1980, № 2-4.

⁴⁷ Соколов Э.В. Жизнь штандартенфюрера СС Штирлица как воплощённая мечта советского человека // Человек, 1999, № 6, с. 162-165.

⁴⁸ НХ РСФСР в 1985 г., с. 345; РСФСР в цифрах в 1989 г., с. 116; Эволюция культурной деятельности в новом столетии... Т.1, с. 363.

имевших большие книжные собрания⁴⁹. Культурологи приводят количество книг в средней семейной библиотеке — от 100 до 150 в 1960-е — 70-е гг. И якобы не менее 2-х книг в месяц прочитывало больше 75% от числа опрошенных⁵⁰. Хорошо, если так. Но какова всё же была доля ремесленнических литературных поделок, о которых наотмашь зло писал (и опубликовал в 1969 г.!) Николай Носов?

Причём уменьшение в среднем интереса к чтению художественной литературы не было связано со структурными изменениями в издательской политике.

И тут надо отступить от 1970-го г. на 10 лет, к рубежу в советском книгоиздании, который так и не был превзойдён. В 1960 г. было издано 48,9 тыс. наименований книг, в 1989 г. — практически столько же (49,1 тыс.). Но тиражи выросли (за те же 30 лет — вдвое). И количество людей, официально признанных писателями, за эти годы увеличивалось. И по изданию переводной литературы мы были на одном из первых мест. Другое дело — что переводили. Сострадание вызывали полки районных библиотек, чьи зарубежные отделы наполовину были заполнены литературой народов соц. стран, прогрессивных писателей стран Азии и Африки. Симону де Бовуар, Робера Эскарпи, Франсуазу Саган, Г.Г. Маркса мы в начале 1970-х ещё могли купить. Потом — только брали у знакомых.

В те годы казалось, судя по библиотечным фондам, что старой и современной классике приходится уступать дорогу современным советским писателям, большая часть имён коих останется только в трудах литературоведов. Но статистика говорила иное. В первую десятку по числу изданий за 1965-85 гг. вошли: Л. Толстой, Пушкин, Горький, А. Н. Толстой, Достоевский, Чехов, Шолохов, Тургенев, Гоголь, Маяковский, А. Дюма-отец. Перестройка, затем катастрофические реформы добавили коммерческую струю в книгоиздание, но сразу переломить советское уважение к подлинной литературе не смогли. В середине 1980-х — середине 1990-х гг. порядок в первой десятке по убыванию числа изданий/тиражей был следующим:

Кристи / Л.Толстой
А.Дюма / Драйзер
Чейз / Салтыков-Щедрин
Пикуль / Юго
А. и С. Голон / Маяковский
Булгаков / Бунин
Сименон / Булгаков
Горький / А.Н. Толстой
Конан Дойл / Фадеев
А.Н. Толстой / Пушкин
Л. Толстой⁵¹

Воистину, **величайшей** (и самоубийственной) **заслугой советской власти было приобщение масс к ценностям русской и советской классики**. Не печатали лишь наиболее «вредные», выпадающие из советской концепции развития литературы, произведения отечественной классики или их части. Но препарирование это шло в наиболее грубом виде лишь в школьных курсах словесности. Чаще применялся другой приём — истолкование нежелательных для «рабоче-крестьянской» власти литературных произведений, позиций авторов-классиков, выбросить коих из курса было невозможно. И это было действенное средство. До одной пятой части советских выпускников разных школ с этим и пошли в жизнь, и на этом остановилось их постижение литературы как учительницы жизни.

Теоретически в распоряжении остальных на всю взрослую жизнь было 100 с небольшим тысяч наименований книг 20-ти

тысяч авторов. Практически же лидерами писательского цеха были полторы тысячи авторов, чьи произведения издавались при Советской власти 14 раз и более. В среднем человек прочитывал в течение жизни несколько сотен книг. Так было и с нами, РВ.

Основой духовного родства, или хотя бы взаимопонимания, была классика. На изучаемое в данной главе время (включая первую пятилетку несчастных реформ — 1991-96 гг.) пришелся пик изданий 67 отечественных и 47 зарубежных авторов, коих издавали больше 4-х раз. Это и был второй круг нашего чтения, взрослого, самостоятельного. Литературовед отмечает, что публика тогда стала читать больше разной современной литературы. От неё одни возвращались к классике, другие — нет.

Несомненным достижением отечественной литературы времён застоя было более реалистичное и потому — человеческое, не ходульное, отражение событий и судеб людей в годы Великой Отечественной войны. Второй вершиной, как уже упоминалось, стала деревенская проза и публицистика. В общем и целом, в конце советской эпохи советский читатель в массе отдавал предпочтение таким разным авторам как Айтматов, Быков, Герман, Кожевников, Пикуль, Полевой, Солженицын, Чаковский.

Возможно, прав литературовед, назвавший три этапа советской литературы 1950-х — 1980-х годов:

- Социалистического сентиментализма, поисков искренности — с середины 1950-х до сер. 1960-х;
- Метафизической фазы — с тихой поэзией, с деревенскими поисками Лада, затем — с мифологизмом, фантастическим реализмом;
- Метареализма.

В 4-й фазе — эстетизма и концептуализма — эмигрировавший автор данной периодизации и его российские читатели жили-де к моменту публикации статьи, т.е. в начале 1990-х гг.⁵²

Будучи рядовым взрослым читателем в те годы, думаю, что периодизация сия отражала направление изменений, но количество исключений из неё было столь велико, особенно для первых двух этапов, что смысл её — только в упорядочении литературной новизны, субъективно избранной. Тем более, что приходила к нам беллетристика не только через каналы книгораспространения, но не менее значительно — через публикации в толстых журналах, и даже газетах, таких как «Литературная Россия».

Литературно-художественные журналы и тонкие иллюстрированные издания знакомили на своих цветных вкладках с классикой и современными произведениями **изобразительного искусства**. Пожалуй, ни в одной области литературы и искусства не было столь яростной и заметной нам, публике, борьбы между традиционалистами (в смысле стилей, приёмов и идейно выдержанного содержания) и новаторами, далеко не всегда грешившими непонятным народу формализмом, но, как правило, — отсутствием жизнеутверждающего социалистического реализма, и присутствием «ползучего эмпиризма, мелко-темья, копания в не лучших человеческих типах и сторонах» нашей жизни. Одни художники и скульпторы из поколения РВ боролись за свободу творчества до конца, другие — до перестройки, давшей им свободу⁵³. Большой русский богослов и культуролог в начале 1970-х говорил на радио Свобода, что Запад дал новый язык искусства тем, кто молчал в мрачные десятилетия культа. Темы же им подсказывала советская действительность...⁵⁴ Но не споры тех лет художественно-идеологические

⁴⁹ Советский простой человек, с. 243.

⁵⁰ Российская повседневность..., с. 194.

⁵¹ Бермант О.В. Письменная ментальность в России 1917-1996 гг. по материалам художественного книгоиздания. Автореферат дис. кандидата психологических наук. Ростов-на-Дону, 1998./Социальная психология

⁵² Эпштейн М. После будущего // Знамя, 1991, № 1, с. 225.

⁵³ Рыбаков Ю. [1946 г.р.] Мой век. Историко-биографические заметки. Часть 1. СПб, ДЕАН, 2010, 4564 с.
⁵⁴ Шмеман А., протопресв. Основы русской культуры. Беседы на Радио Свобода. 1970 - 1971. Предисл. О.А. Седаковой. М.: Изд-во Правосл. Свято-Тихоновского гуманит. ун-та, 2017, с. 8 - 9.

нам теперь интересны. А то, что в самом начале рассматриваемого этапа социолог — почти ровесник Войны по возрасту, мудро выстроил такие характеристики массовой, в том числе — массовой советской — культуры, которые с тех пор только яснее и более открыто проявлялись. Главной среди них была названа социальная и духовная пассивность. Последняя требует, чтобы искусство воспроизводило обыденное, знакомое. Но — в преувеличенном, приукрашенном виде. В развлекательной бы форме. (Потому вне конкуренции были тогда на эстрадных концертах Шуров и Рыкунин, Рудаков и Нечаев, Милов и Новицкий, «Тарапунька и Штепсель», то бишь Тимошенко и Березин...). Новизна должна быть внешней, привлекающей внимание, но не заставляющей вглядываться и задумываться. Натурализм, как в жизни, не доходил в советском пуританском обществе до горизонтов извращённой эротики, ужасов⁵⁵. Тут нам ещё предстояло догонять просвещённый Запад после Перестройки сознания советского обывателя, что с успехом и помогла осуществить Всемирная паутина. В некоторой степени любителей нетрадиционных для СССР манер и стилей выручали «демократы», то есть книжные и журнальные издания стран социалистического лагеря, распространяемые в отдельных книжных магазинах и по подписке на иностранную периодику. В частности, запомнились с тех пор некоторые венгерские и польские издания. Их примеру пытались следовать на Советском «Западе» — в Прибалтике.

1970-й год был рубежом, после коего не росло количество журналов в стране. Для газет тем же был 1960-й. Обоих видов периодики было достаточно, — по 4 тысячи примерно. Тиражи их выросли в рассматриваемое время в полтора — два раза⁵⁶. Оценка их содержания — тема отдельная. В доперестроечное время оно (содержание) казалось однообразным, унылым, насквозь искусственно сфабрикованным мощным идеологическим кнудом и пряником. Теперь о многом вспоминаем с улыбкой, но чаще — с благодарностью, прежде всего — о внимании ко всем регионам страны и планеты, о разносторонности освещения процессов в экономике, социальной сфере, в культуре, и в частности — в науке.

Научная сфера во многом сохраняла тенденции экстенсивного развития. Организация новых НИИ не только для исследования новых областей знания, но и по новым пограничным проблемам напоминала быстрый рост исследовательских организаций первых лет Советской власти. Дело также было и в объективном процессе ускорения революционных изменений в самой мировой науке. Не удовлетворяясь общими призывами к учёным, ЦК КПСС периодически предписывал усилить внимание к самым актуальным направлениям науки⁵⁷. Привожу только один пример, связанный с генетикой, т.к. адресовано постановление было во многом научной молодёжи, не заставшей погромы генетики во времена всесия «академика» Т.Д. Лысенко. За вторую половину 1950-х и начало 1960-х гг. в СССР создали в 2 раза больше научных учреждений, чем за предшествующие 8 лет. За 1950-е годы численность научных кадров в стране удвоилась, а за 25 лет (1951-1975) — выросла в 7,5 раза, со 162 тыс. до 1223 тыс. человек!⁵⁸ Вряд ли качественный рост новых поколений работников науки мог быть столь же быстрым.

Придя на исторический факультет ЛГУ в 1967 г. я не мог не заметить огромную разницу в основательности профессиональной подготовки наших преподавателей — представителей разных кафедр. Очевидна была эрудиция и широта взгляда, накопленная десятилетиями учения и

углубления в предмет, — античников, медиевистов, искусствоведов. Историки Советского периода и КПСС выглядели на этом фоне слабыми, незнакомыми с иностранной литературой, узкими специалистами, напряжённо прислушивающимися к идеологическим веяниям момента. Складывалось впечатление и относительно различий в социальном происхождении внутри коллектива преподавателей-учёных. Историками двух последних специализаций чаще становились выходцы «из рабочих и беднейших крестьян», что сказывалось на объёме и содержании культурного «семейного капитала». Что до культуры «новой, советской интеллигенции», то она была очень разной, даже в обыденности служебной. Так, если начальник ремонтно-механической мастерской текстильной ф-ки им. П.Анисимова Фёдор Яковлевич Ключев в 1960 г. корил меня, ученика, за медленность в работе вежливо, то в начале 1970-х меня же, очного аспиранта, декан и секретарь партбюро истфака ЛГУ за опоздание на работу в совхоз покрыли матом.

Приговором начавшемуся застою в наших идеологизированных сферах современной отечественной истории прозвучало едкое переименование лозунга-утверждения времён коллективизации:

«Наступил Великий перелом. Середняк пошёл... в НАУКУ».

Мы ёжились, но в душе соглашались, не переоценивая себя. Так, меня брали в аспирантуру в 1972 г. не столько как отличника-выпускника вечернего истфака, сколько как рабочего, коммуниста. К сожалению, пробелы в образовании потом наверстать так и не удалось.

Переломными 1960-70-е годы были в науке и, особенно, в преподавании ещё и в том отношении, что начинало уходить поколение людей 1900-х гг. рождения, учившихся в советское уже время, но — у старых профессоров.

В 1970-е — 80-е годы рост численности научно-педагогических кадров невозможно было сохранять на уровне предшествующего периода. Но всё же за 17 лет в российской отрасли «Наука и научное обслуживание» прибавилось 400 тыс. работников. За это время докторов наук стало больше в 2 раза (рост с 16 тыс. до 32 тыс. человек), кандидатов наук — в 2,1 раза (рост со 145 тыс. до 311 тыс. человек). Косвенно о возможном вкладе РВ в приращение научного знания говорит возрастной состав корпуса учёных. За 1982 — 87 гг. удельный вес одной из возрастных когорт, к коим РВ принадлежали, т.е. 36-40-летних людей увеличился с 14 до 17 %, а второй — т.е. 41-50-летних — несколько уменьшился, с 35 до 32 %. То же происходило и в возрастном составе кандидатов наук. Среди докторов наук рождённые в 1940-е годы, то есть люди в возрасте от 40 до 50 лет, составляли лишь 1/5 часть⁵⁹.

Путь наверх, в том числе по лестнице должностной, да и по ступеням учёных званий, давался непросто. Сказывалось усложнение проблематики, недостатки материальной базы, а также извечное сопротивление предшествующих поколений коллег, не всегда правильно понимавших смысл и перспективы открытий.

Всё сказанное — лишь слабый и формальный отсвет многообразного и сложнейшего по глубине проблем процесса развития отечественной науки как ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ, превращавшейся, как было записано в решениях партийного съезда, в непосредственную производительную силу общества. Была у неё и ещё одна немаловажная задача —

⁵⁵ Перов Ю. В. Что такое социология искусства? Л.: Знание, 1970, с. 29 - 31.

⁵⁶ НХ РСФСР в 1985 г., с. 36; РСФСР в цифрах в 1989 г., с. 117.

⁵⁷ См. О мерах по ускорению развития молекулярной биологии и молекулярной генетики и использованию их достижений в народном хозяйстве. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР 19 апреля 1974 г. // СПР. Вып. 15. М., 1975, с. 349...

⁵⁸ Балакин В.С. Отечественная наука в 1950-е - середине 1970-х гг. Автореф. дис. доктора ист. наук. Екатеринбург, 1999.

⁵⁹ См.: НХ РСФСР в 1985 г., с. 36; РСФСР в цифрах в 1989 г., с. 147; Научно-технический прогресс в СССР. Стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1990, с. 22.

поддерживать уважение к Знанию, интерес — к неизведанному, пока необъяснимому. Отвлекая в какой-то степени от надоевших идеологических заклинаний. Тем и хороши были, и любимы передачи циклов «Очевидное — невероятное», «Клуб кинопутешествий», «В мире животных»...⁶⁰

Да здесь и не место углубляться в историю науки. Ибо речь — лишь о поколениях работавших в ней, прежде всего — об РВ. Сфера сия была, вероятно, более инертна и консервативна, чем другие сферы культуры.

Возможно, в последних, например, в искусстве, **роль** или хотя бы **удельный вес РВ** был выше, чем в науке и научном обслуживании. Было бы крайним субъективизмом определять удельный вес РВ среди людей, включённых составителями в биографические справочники. Но, если принять составителей за экспертов, их работа может иметь какое-то значение. Так, просмотрев около 340 фамилий, включённых в два тома справочника о деятелях отечественной культуры, вижу, что РВ было включено около 35, или примерно 1/10. Случайно ли совпадение этой десятины с другой — в биографической справке ежегодника БСЭ за 1989 г.⁶¹ Это надо проверять по нескольким различным справочникам. Напомню ещё несколько имён, не забытых сегодня. Какие же они разные — литераторы-РВ: Семён Альтов, Константин Азадовский и Инна Кашежева. Между литературой, искусствоведением и журнализмом просвещал и радовал тем самым Святослав Бэлза. Между Михаилом Шемякиным, Валерием Плотниковым и Эд. Дробицким разница в возрасте куда меньше, чем по особенностям художественных приёмов, стилей, судеб, в конце концов. Не за политику, и не за чуждый советскому человеку рок сел в заключение администратор ансамбля на все 1970-е гг., Юрий Айзеншпис, а за незаконную закупку оборудования для концертов. Зато потом «вылепил» несколько эстрадных звёзд. О различиях в их путях говорит хотя бы сопоставление двух имён — Юрия Антонова и Валерия Агафонова. Первый из них какое-то время был связан творчески с РВ — Анат. Кроллом, также нынешним мэтром в своей области. На следующих этажах или ступенях музыкальной лестницы из числа РВ: Владимир Спиваков, Наталия Гутман, Сергей Баневич. Из деятелей кино и драматического театра называем с радостью за наше искусство Сестёр Марианну и Анастасию Вергинских, режиссёра Вадима Абдрашитова, актёров Сергея Шакурова, Андрея Мартынова (первого старшины Васкова), Александра Калягина, Николая Караченцева, Веру Алентову, Маргариту Терехову. И, наконец, несколько имён людей учёных: это мои старшие товарищи социологи Борис Докторов и Олег Божков; доктор физико-математических наук, руководитель РГПУ им Герцена в 1986 — 2011 гг. Геннадий Бордовский, историк Руслан Гостев, юрист Александр Гуров, журналист Виктор Анпилов. Когда ровесника Войны бывшего «спикера» Владимира Шумейко спрашивали: «Чем теперь занимаетесь?», он, профессор-экономист и государствовед, отвечал: внуками. И это нормально... Всё могло в данной биографии сложиться гораздо хуже.

В области песенной культуры одним из главных авторов музыки стал Давид Тухманов (1940 г.р.) Над страной долго звучала его и Роберта Рождественского песня «Притяженье Земли». Слушая её, мы — дипломированные идеологи, настораживались на словах «Мы — дети Галактики...» и — успокаивались, ибо дальше вселенский космополитизм приобретал земные черты: «Но самое главное — мы — дети твои, дорогая Земля-а-а» ... (Попробовали бы они такое написать году в 1950-м...) Тухманов был богат мелодиями, поэтому делал своё дело исправно.

Как и певший про этих самых детей Галактики, не сразу нами оценённый, Лев Валерианович Лещенко. РВ, 1942 г.р., из семьи военнослужащего, разнорабочий Большого театра СССР, слесарь, солист военного ансамбля, выпускник ГИТИСа, за 1970-1983 гг. прошёл путь от начинающего эстрадного певца до Народного артиста РСФСР.

Тогда же, примерно, начинал Юрий Антонов, долго остававшийся верным своей «нише» — сладенькому лиризму для женщин среднего и старшего возраста. В современные ритмы ударился после Перестройки.

О Магомаеве не говорю — это был человек-эпоха, начинавший восхождение с потрясшего нас «Бухенвальдского набата».

Из «авторов-исполнителей», высокой духовности, не развлекателей, следует назвать Татьяну и Сергея Никитиных. Последний — 1944 г.р.

Из множества РВ, связанных с киноотраслью искусства назову лишь четырёх:

Н.Губенко, актёр, в 1989 — 1991 г. Министр культуры СССР; А. Калягин — начинал в 1969 г., призов и премий удостоивался с 1977/78 гг., 14 лет службы в МХАТе, с 1996 г. председатель Союза театральных деятелей России.

Во МХАТе же служила в эти годы самая красивая и именитая по отцу советская актриса театра и кино Анастасия Александровна Вергинская.

Наконец, поколение РВ дало народу талантливейшего и мощнейшего Никиту С. Михалкова. В 1974 г. он порадовал киноаудиторию первым самостоятельно сделанным фильмом «Свой среди чужих...», и с тех пор как ледокол раздвигает преграды на пути отечественного киноискусства, впечатляя глубоко каждой своей лентой. Десятки премий, командорская степень ордена Почётного легиона.

Столь же славен семьёй и собой был Игорь Эмильевич КИО.

Это — лишь отрывочные напоминания о том, что когорта РВ не была лишена подлинных талантов. В то же время ясно, что для более полного представления о роли РВ в отечественной культуре последних двух советских 10-летий надо будет провести статистическое исследование по материалам нескольких разноуровневых (российских и местных) отечественных и зарубежных биографических справочников, и общего характера, и — отдельно по представителям культуры, искусства.

Причём не только «индивидуально» осуществляемого. Изучаемый период — это и первые вершины популярности искромётного самодеятельного игрового ТВ-зрелища — «КВН». Власть как будто чувствовала, что народу многое надоело по части ежедневных сообщений прессы, накачек, собраний, резолюций... и кое-что инициировала или разрешала. В частности, в соревнованиях команд КВН участвовали наверняка и младшие или молодившиеся РВ. Складывалась если не корпоративная, то учрежденческая культура. Не только в процессе обсуждений дамами из ГИПРО модных публикаций в толстых журналах, но и в предоставлении площадок для выступлений не слишком одобряемых Главлитом и реперткомами авторов, исполнителей и т.д. Это была ещё одна форма культуры полуофициальной. Следующей ступенькой были частные квартиры, где читались стихи, устраивались выставки. В городах.

Деревня имела большую свободу от контроля за содержанием привозимой из городов культуры, но и заманить последнюю в глубинку было нелегко. И деревня-матушка продолжала рождать свою культуру, чаще всего — суррогат городской. Но подспудно, бесконтрольно пробивались родники то горькогражданственной, то непечатно-картинной фантазии самород-

⁶⁰ Абрамов Р. Популяризация науки в СССР как элемент культурной политики // Время, вперёд! Культурная политика в СССР. Под ред. И.В. Глушенко, В.А. Куренного. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013, с. 171.

⁶¹ Кто есть кто в современной культуре. Эксклюзивные биографии. Автор концепции и главный редактор С.М. Семёнов. М.: Междунар. объединённый биогр. центр. МК-Периодика. Вып. 1. 2006. Вып. 2. 2007; Ежегодник БСЭ. 1989. Вып. 33. М.: Советская энциклопедия, 1989, с. 570-578.